

Про заснування у м. Глухові дворянином Терещенком дитячого притулку (1871 р.)

Людмила АРТЕМОВА

Наукова співробітниця
Національного заповідника
«Глухів»

Діяльність представників багато розгалуженої родини Терещенків уже не раз ставала об'єктом дослідження українських науковців: істориків, педагогів, економістів з аграрної проблематики, юристів тощо. І якщо із здобуттям незалежності, за нових суспільно-політичних умов, вивчення підприємництва і благодійництва Терещенків у Києві та інших регіонах України вийшло на новий рівень узагальнень, то особливостям меценатської діяльності останніх на батьківщині, у Глухові, присвячено лише поодинокі розвідки.

У фонді 707 Центрального державного історичного архіву у м. Києві у поле зору авторки публікації потрапила справа із Канцелярії попечителя Київського навчального округу «Про заснування у 1871 році у м. Глухові дворянином Терещенком дитячого притулку».

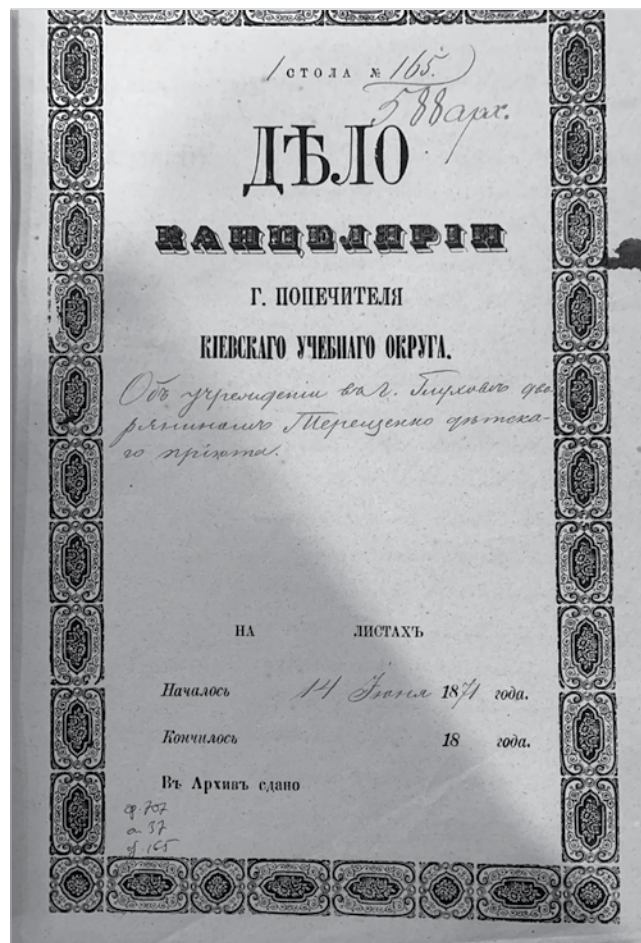
5 червня 1871 р. із проектом «предполагаемого к учреждению в г. Глухове детского приюта на счет пожертвования дворянина Терещенко в память избавления ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, 4 апреля 1866 г., от угрожавшей опасности» Терещенко звернувся до митрополита Новгородського і Санкт-Петербурзького Високопреосвященного Ісидора. Останній направив документи до Міністра Народної освіти та керівника Департаменту, а ті, у свою чергу, до попечителя Київського учбового округу щодо «содержания §§ 4, 42, 46 и 53 проекта детского приюта, как касаю-

щихся ведомства Министерства Народного Просвещения».

23 червня 1871 року попечитель Київського учбового округу дав роз'яснення, що «в §§ 4, 42, 46 и 53 упомянутого устава нет ничего, чтобы существенно противоречило правилам и требованиям учебного и дисциплинарного порядка, принятого в учебных заведениях Министерства Народного Просвещения».

Установчий документ («устав»), на основі якого мав функціонувати дитячий притулок, заснований дворянином Терещенком у Глухові, передбачав, що хлопчики, «по достижении ими 10 летнего возраста шли в Глуховскую прогимназию или же в какое либо ремесленное училище». На думку попечителя Київського учбового округу, «это представляло два слишком различные пути образования для того, чтобы можно было предлагать одним и тем же воспитанникам или тот, или другой, не мотивируя выбора одного из них никакими соображениями».

Попечитель Київського учбового округу також дає рекомендації комітету притулку, «состоящему при нем согласно уставу», щодо організації освітнього

Титульна сторінка архівної справи № 165 ф. 707 ЦДІАКУ

процесу серед вихованців по досягненню останніми 10-літнього віку. Завдяки ним розширюється фактологічна база (поточний стан, якість, ідейна спрямованість) тогочасної освіти в Україні: «Курс большинства предметов, преподаваемых в прогимназии, не представляет нечего законченного. Так, по Закону Божию ученик, окончивший прогимназию, незнаком с учением о Богослужении, ➔

← I которое проходится в 5-м классе, не имеет никакого представления о Главнейших событиях из Истории Церкви Вселенской и Российской, что преподается только в 6-м классе гимназии. По русскому языку ученики в течение четырехлетнего курса в прогимназии проходят подробно и систематически этимологию и синтаксис, но не упражняются в письменном изложении своих мыслей, что относится к 5 и 6-му классам гимназии и что необходимо для всякого, получившего хотя бы и начальное, но законченное образование. Сведения, которые будущие воспитанники приюта вынесут из прогимназии по истории, географии, математике, хотя по некоторым частям этих предметов и будут отличаться достаточною полнотою, зато по другим, преподавание которых отнесено к высшим классам гимназии, не будут отвечать требованиям какого бы то ни было законченного образования. Таким образом воспитанники приюта, по окончании ими учения в прогимназии, будут достаточно приготовлены только для продолжения учения в гимназии, а не для какой бы то ни было практиче-

Дитячий притулок у Глухові. Початок XX ст.

ської діяльності. Поєтому допустити заміщення воспитанників приюта или в Глуховську прогимназію, или в ремесленне училище, следовало бы, как мне кажется, оговорить, что в прогимназію будут замещаемы только воспитанники, обнаружившие в приготовительном

классе отличные способности и оказавшие таковые же успехи, с тем, что, по окончании курса прогимназии, им дана будет возможность окончить по крайней мере и гимназію».

У 1871 році дитячий притулок дворянина Терещенка у Глухові було відкрито.

Ольга ЛЯШКО

Головна зберігачка фондів
Національного заповідника
«Глухів»

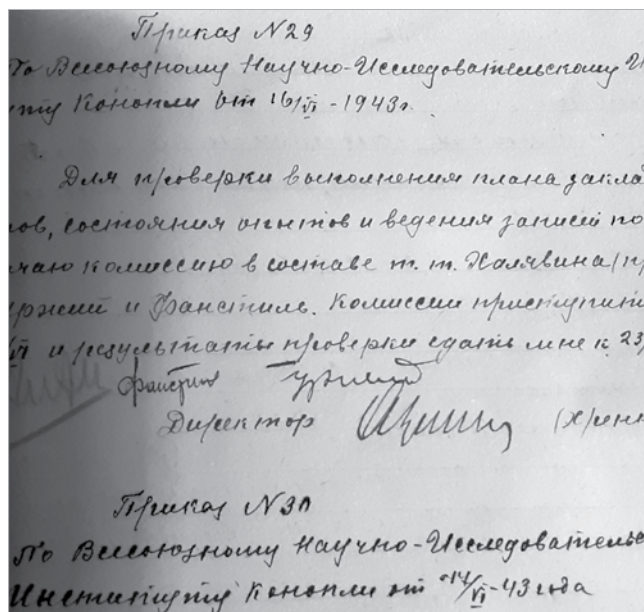
Селекціонер-конопляр

28 березня 2021 року виповнилося 140 років від дня народження А.С. Хреннікова, чие ім'я носить одна з вулиць нашого міста. Тож ким була ця людина, життєвий шлях якої нерозривно пов'язаний із Глуховом?

Професор Анатолій Сергійович Хренніков – видатний учений у галузі коноплярства, громадський діяч, депутат Верховної Ради УРСР, заступник директора з наукової частини Всесоюзного науково-дослідного інституту луб'яних культур, автор близько 300 статей, кавалер двох орденів «Знак Пошани» та медалі «За доблесну працю у Великій Вітчизняній війні» – в житті скромна і порядна людина.

А.С. Хренніков народився у Липецьку, навчався в Пулавському інституті сільськогосподарства і лісоводства у російській частині Польщі (1914 року інститут евакуювали до Харкова, утворивши згодом на його базі відомий сільгоспінститут ім. В.В. Докучаєва). За участь у студентському русі відрахований з III курсу, на-

правлений на військову службу, яка припала на 1904–1906 роки, ознаменовані подіями російсько-японської війни та буржуазно-демократичної революції. Зрозуміла річ, що він брав у останніх найактивнішу участь, попадав під арешт за розповсюдження у військах нелегальної революційної літератури, був змушений емігрувати за кордон. Саме там остаточно визначився його життєвий шлях: у 1910 р. закінчив із золотою медаллю агрономічний факультет Нансійського університету у Франції, був залишений на роботі при університеті. До 1917 р. працював у Болгарії на різних посадах,

Підпис А.С. Хреннікова під наказом 1943 р.

пов'язаних з агрономією.

Після повернення на батьківщину

активно займався улюбленою справою: з 1927 по 1932 рік – заступник директора по науковій частині Шатилівської обласної сільськогосподарської станції; у 1932 р. був запрошений на посаду завідувача відділу агротехніки, заступника директора Чакинської дослідної станції, завідувача кафедри фітопатології Тамбовського сільськогосподарського інституту.

У 1932 р. А.С. Хренніков переїздить до Глухова. Відтоді вся його діяльність була присвячена науковій роботі в галузі коноплярства. Тут він отримує визнання як науковець. За проведені роботи кваліфікаційною комісією ВАСГНІЛ був затверджений кандидатом сільськогосподарських наук без захисту дисертації, а у квітні 1949 р. ВАКом йому присвоєно звання професора за спеціальністю «Агротехніка».

У роки Другої світової війни учений виконував обов'язки директора Інституту луб'яних культур. В інститутському архіві донині збереглися журнали наказів за 1941–1943 роки, деякі з яких написані власноруч професором.

Анатолій Сергійович розробив систему агротехнічних заходів, які забезпечували зміщення у строках збирання конопель в більш теплий період року (на 15–20 днів), що значно скорочувало втрати коноплепродукції. Його дослідженнями були встановлені негативні наслідки беззмінності культури коноплі і

виявлені її кращі попередники в сівозміні. Він також вивчав дозування і співвідношення мінеральних добрив під коноплі для різноманітних ґрунтів.

З 1949 р. учений керував розробкою теми «Впровадження комплексу Докучєва-Вільямса в експериментальних господарствах дослідних закладів Інституту». У цей час в умовах Глухова було виявлено перевагу гніздового способу закладання ползахисних лісових смуг перед звичайним, перевагу посіву жолудями перед посадкою саджанців дуба, непридатність ясеня, білої акації та американського клена як супутників дуба внаслідок їх швидкого росту.

Багато сил і енергії віддав А.С. Хренніков педагогічній роботі. Він по сумісництву викладав в середньому сільськогосподарському училищі, на агрономічному факультеті Тамбовського університету, в Чакинській школі селянської молоді, завідував кафедрою загального землеробства Глухівського сільськогосподарського інституту. Був редактором багатьох фундаментальних праць Інституту («Конопля», «Коноплярство», «Агротехніка коноплі» та ін.) У 1951 р. він написав підручник для трирічних агротехнічних шкіл, який побачив світ уже після смерті автора.

24 жовтня 1951 р. після тривалої хвороби на сімдесятому році життя Анатолія Сергійовича не стало. Похований на Вознесенському кладовищі м. Глухова.

Могила А.С. Хреннікова на Вознесенському цвинтарі м. Глухова

Яна ЧЕРНЯКОВА

Наукова співробітниця
Національного заповідника
«Глухів»

Король забитого м'яча

(До 100-річчя від дня народження відомого волейболіста)

Костянтин Кузьмич Рева – один із найталановитіших спортсменів нашого регіону, радянський волейболіст, нападаючий гравець збірної СРСР (1949–1956), дворазовий чемпіон світу, дворазовий чемпіон Європи, восьмикратний чемпіон СРСР, заслужений майстер спорту СРСР (1947).

Народився К.К. Рева 10 квітня 1921 р. в с. Суходіл Глухівського повіту Чернігівської губернії. З 1928 по 1930 рр. навчався у школі № 1 Глухова, де і розпочав свою спортивну кар'єру. Потім сім'я переїжджає до Москви, де Костя продовжує своє сходження на спортивний олімп.

Навчаючись, він з головою поринає

у спортивні тренування. На щастя, в мікрорайоні був стадіон, де однолітки ганяли м'яча, стрибали у висоту і довжину, бігали на різні дистанції. Саме тоді наставники помітили виняткові атлетичні здібності хлопця. Він дебютував як футболіст. У середині 1930-х усі були впевнені, що на Костянтина чекає велике майбутнє. Так і сталося: у складі юніорської збірної він став чемпіоном столиці. Водночас наполегливо займався волейболом, стрибками у висоту, бігом. Уже тоді юнак пробігав стометрівку за 11,8 сек., підкоряв висоту 1,8 м (до того ж босоніж, бо не любив взуття). Упродовж кількох років поряд

ішли і футбол, і волейбол. Але все-таки волейбол переміг. На спортивному майданчику Костянтин віддавався на всі сто відсотків.

Пік спортивної слави К. Реви припав на кінець 1940-х – початок 1950-х років. До цього він вигравав звання чемпіона СРСР з волейболу. На той час слава про «радянську гармату» – так називали удари Костянтина вболівальники і спортсмени – линула Європою і усім світом.

Він однаково віртуозно володів ударами з обох рук. «Кілок», «гак», десятки інших волейбольних елементів у його виконанні були настільки захопливими, що стадіони буквально

← ревіли, коли він виходив на подачу. Справжнім видовищем ставали його злети над сіткою – маючи зріст 180 см, злітав над нею майже по пояс. Вболівальники казали про нього: «Перш за все, він був гарний – високий стрункий блондин, з широкими плечима і довгими сухими ногами. Він був гарний і в грі: навіть у стрибку, зависаючи над сіткою, він встигав витончено напівзігнути ноги, і це було красиво».

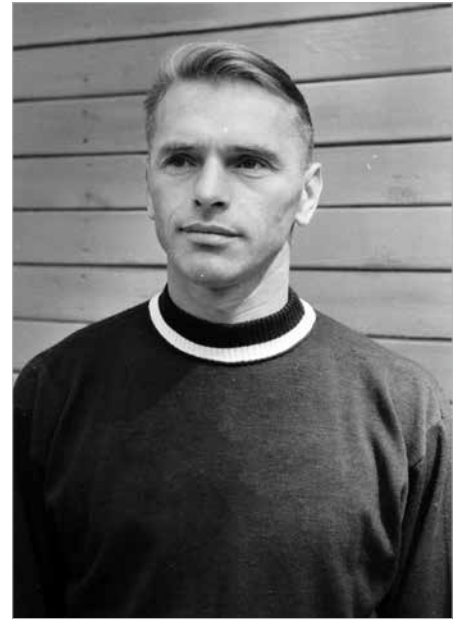
Перед початком гри вболівальники, розсідаючись на трибунах, передчували задоволення від того, як «Костя буде забивати кола» (позиція, при якій м'яч після удару по вертикальній траєкторії повз блок влітає у майданчик). За відскоком м'яча можна було судити про силу удару. Так бив тільки Рева!

Костянтин був гравцем без слабких місць. Є чисті «забійники» – ті, хто добре атакують, але не вміють пасувати. Є

відмінні захисники, але без «нокаутуючого» удару. Рева ж володів всім набором технічних засобів класного гравця. У нього була відмінна бічна подача. Він міг у відчайдушному кидку витягнути безнадійний м'яч, був на висоті як пасуючий. Але, перш за все, маючи дивовижну стрибучість, він був природженим нападником. Зазвичай завжди можна розрізнити всі стадії стрибка: присідання, відштовхування від майданчика, власне сам стрибок. Дивлячись на Реву, складалося враження, що спрацьовував піропатрон, який і викидав його по груді над сіткою. І сітку він відчував різуче: у момент нанесення удару перебував від сітки рівно на оптимальній відстані – ні ближче, ні далі. А «млин» в його виконанні? Це було незабутньо: різкий зліт над сіткою, блискавична робота рук так, що суперники не встигали передбачити, якою буде наноситися удар. Він був одним з лідерів команди, який міг забити м'яч з будь-якої позиції. На нього приходили дивитися як на музейний експонат.

Костянтин Кузьмич пройшов і важкими дорогами Другої світової війни – служив у технічних військах, обслуговував аеродроми. Згодом навчався у Військово-повітряній академії, де потоваришував із земляком – тричі Героєм Радянського Союзу Іваном Кожедубом, Військовому інституті іноземних мов, Інституті фізкультури. Освітній досвід знадобився йому по завершенні волейбольної кар'єри на посаді викладача.

У 1949 р. К. Реві було присвоєно почесне звання «Заслужений майстер спорту СРСР». Його спортивну біографію прикрашають 4 чемпіонські дипломи, завойовані на світових фестивалях молоді в Празі, Бухаресті, Берліні та Будапешті. У Нідерландах у м. Горрендай 5 грудня 1952 р. за-

Костянтин Кузьмич Рева

снували клуб, який носить ім'я «Рева».

«Стареющий лев, но лев. Прыжок, удар, кисть – ни у кого ничего подобного! Мощь – богатырская: его боковые силовые подачи часто навели панику в стане противника», – цитує в книзі «Єдина гра, в яку варто грати. Книга не тільки про спорт» тренера В'ячеслава Платонова автор Олексій Самойлов.

Костянтин Рева грав аж до 1960 р. Помер 1 вересня 1997 р. в Москві. Похований на Троєкурівському кладовищі.

Куди б не закидала доля видатного майстра, він завжди пам'ятав батьківщину, рідний край, з подякою благословив волейбольний турнір свого імені, який традиційно проводиться у Глухові з 1996 р. У кінці 2000 р. Міжнародна федерація волейболу підвела підсумки конкурсу «Кращі XX століття», в якому у номінації «Кращий гравець» названо К. Реву. 2002 року у Глухові засновано громадську організацію «Волейбольний клуб ім. К. Рєви», а у жовтні 2005 р. його ім'я було занесене до «Зали слави» найвидатніших волейболістів світу на батьківщині цієї гри у м. Халіоке, США.

14 квітня 2006 р. на честь 85-річчя від дня народження К. Рєви на фасаді школи № 1, у якій навчався видатний спортсмен, відкрито меморіальну дошку. Через два роки, під час проведення X ювілейного турніру пам'яті К. Рєви, на подвір'ї школи учасники змагань посадили алею на його честь. Щороку волейбольний турнір серед ветеранів збирає жіночі та чоловічі команди з Глухова, Києва, Харкова, Чернігова, Білої Церкви, Дніпра, Республіки Білорусь, Литви та ін.

Костянтин Рева у стрибку за м'ячем

Вера
НАЗАРОВА

Генеалог
г. Москва

Тропинками глуховских кладбищ

Продолжение.

Начало в № 1(61), № 3(63) – № 6(66) 2014 г., № 3(69) – № 6(72) 2015 г., № 1(73), № 3(75) – № 5(95) 2019 г., № 4(100) 2020 г., № 1(103) 2021 г.

ГЛУХОВСКИЕ КОРНИ АКТЁРА АНАТОЛИЯ РАВИКОВИЧА

Рассказывая о советских захоронениях, представляющих интерес на кладбищах города Глухова, нельзя обойти стороной могилы родственников известного советского и российского актера театра и кино, народного артиста РСФСР Анатолия Равиковича, абсолютному большинству знакомого по роли Хоботова в фильме «Покровские ворота». Анатолий родился в 1936 году уже в Ленинграде, а его родители, Юлий Моисеевич и Любовь Нисоновна Равикович, тётки, дяди, бабушка и бабушка по материнской линии жили в начале XX века в Глухове.

Некоторые фрагменты из их жизни в Глухове Анатолий Равикович изложил в своей книге «Негероический герой». Не считаю нужным пересказывать их своими словами, т. к. эти воспоминания уже сами по себе являются историческим источником. Поэтому привожу их в полном виде без каких-либо изменений.

«Отец никогда не говорил, кто были его родители. Думаю, это были состоятельные люди. Иногда отец проговаривался, и выходило, что мой дед был вроде бы управляющим не то у какого-то помещика, не то у заводчика. Отец не распространялся на эту тему – боялся, что ему припишут мелкобуржуазное происхождение. А он был членом партии, начинал свою самостоятельную жизнь рабочим, поэтому и написал, вступая в партию, – «из рабочих». Собственно говоря, он и не врал. В 1917 году ему было двенадцать лет. Началась революция. Семья голодала. Его отправили из Чернобыля, что на Украине, в город Глухов – неподалеку. Отправили в надежде, что старший брат Гриша пристроит куда-нибудь брата Юлю. Гриша пристроил. Он сам работал мастером на кожевенном заводе и взял братуху чернорабочим. Это было большой удачей. Это гарантировало, что с голоду он не помрет. Он и не умер. Правда, кое-что все-таки случилось. В огромных чанах, заполненных всякими

кислотами, замачивались целые коровьи шкуры. По мере готовности их надо было оттуда вытащить и отнести в другой цех для просушки. Вонь в цехе стояла неимоверная, испарения кислот выжигали легкие. Надо было крючьями зацепить шкуру в этом чане, подождать, пока с нее стечет «рассол», вытащить, взгромоздить на спину, предварительно покрытую мешковиной, и оттащить в другой цех. Для худенького двенадцатилетнего мальчика это было просто непосильно, но это была единственная работа, на которую он мог рассчитывать. Он обещал папе и маме, и брату Грише потерпеть, и он терпел. Через два месяца у него появилась грыжа. Отец рассказывал, что яйца у него стали размером с чайник. Он перевязывал низ живота ремнем, наподобие штангиста, и терпел. Годы через два он окреп и научился сам заправлять проваливающуюся в мошонку кишку обратно. Он стал настоящим пролетарием. Он стал ненавидеть буржуев, нэпманов, угнетателей и брата Гришу. В его худенькой еврейской груди, еще безволосой, кипела ненависть к классовым врагам. Я не знаю точно, в каком году это произошло, но отец организовал первую в Глухове еврейскую комсомольскую ячейку. Я хорошо помню фотографию, наклеенную на толстый картон: в несколько сумрачном коричневатом освещении на заднем фоне какой-то шикарный сад с пальмами и магнолиями – двое сидят, трое стоят. С выпученными черными глазами мужчины в кожаных куртках и кепках – их трое – и две девушки. Одна – с короткой стрижкой и в берете, а вторая в платке, накинута на голову. Внизу что-то написано незнакомыми буквами. Как выяснилось, это – иврит. Надпись гласит «Первая еврейская комячейка в г. Глухове». Девушка в платке – моя мама. Юноша с самым суровым лицом – мой отец. «Он хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать» – это про него. ... Моя мама, хоть и была членом комячейки, не была таким же неистовым революционером, как отец. Она больше интересовалась непосредственно самим секретарем ячейки, чем революционной борьбой. К тому же она была из мелкобуржуазной семьи – ее отец владел бубличной пекарней. И к ней в ячейке относились с

подозрением. И вот однажды мой будущий папа сказал моей будущей маме:

– Люба, если хочешь, чтобы мы поженились, и чтобы в дальнейшем у нас не было никаких классовых разногласий, ты должна экспроприировать у своего отца-капиталиста средства производства. Этим ты докажешь свою преданность делу революции, и я смогу с чистой совестью на тебе жениться, потому что ты уже будешь не попутницей пролетариата, а настоящим пролетарским бойцом. Мама обрадовалась, что мой папа хочет на ней жениться, но не поняла, что ей нужно делать.

– Юлик, а что значит «экспроприировать»? – спросила она.

Отец ей объяснил. И вот моя мама еще с одним комсомольцем на подводе, которую им выделила ячейка, приехала в пекарню.

– Здравствуй, Лейба, – приветливо встретил ее Ниссон, ее отец и мой дедушка, – шо такое, почему так рано? И шо это за лошадь?

Мама заплакала, а комсомолец погрузил на подводу полтора мешка муки (все, что он нашел в пекарне), и они уехали. Вот это и означало «экспроприировать». Вечером вернулись домой мамыны братья – Вениамин, Аркадий, Самуил и Хаим.

– Папа, а где пожрать? – спросили вернувшиеся к ужину братья.

– Про ужин спросите у Лейбы, – ответил папа.

А тут и Лейба приходит. Потому что идти, кроме как домой, ей было некуда. Узнав про «экспроприацию», братья взяли сестру, положили ее на кровать и хорошо отдубасили мокрыми полотенцами. Так закончилась классовая борьба в городе Глухове. ... Мои родители поженились, но вместе жили недолго. Отца как комсомольца партия направила в армию для укрепления командного состава идейными кадрами. ... В армии надолго отец не задержался. Пришло время, и партия бросает своего верного бойца на другой фронт – борьбы с разрухой. Он направляется в Ленинград в Промакадемию. А если не так красиво, то на рабфак, рабочий факультет. Это вроде сильно облегченного высшего учебного заведения для людей, не заканчивавших «гимназиев» и прочих буржуазных штучек.

С тех пор, с конца двадцатых годов, моя семья живет в Ленинграде.

Жили мы на Прядильной улице, что в Коломне, в районе от Аларчина моста на Фонтанке, до Крюкова канала и Театральной площади. ... К нам в гости в комнату в этой квартире приходили мамыны и папины друзья и знакомые из Глухова. Их было довольно много. Связанные юностью, воспоминаниями, трудностями жизни провинциалов, в большом городе они держались вместе и искренне радовались, видя друг друга. Это было уже после войны (что было до войны, я не помню – был мал). Среди них был один человек, который меня пугал. Горбоносый, с черными смоляными волосами, смуглый.

– Здравствуй, бандит, – говорил он, здороваясь и протягивая мне левую руку (правая была у него в перчатке, которую он никогда не снимал). Его звали Муля Месежников. Раз, когда гости ушли, я спросил у отца:

– Папа, а почему Муля Месежников дома в варежке ходит? Он что, на одну руку мерзнет?

– Это протез, у него своей руки нет, так ему из кожи игрушечную сделали. Он туда свой обрубок вставляет и ходит, чтоб народ не пугать.

– Ему на фронте оторвало?

– Нет, еще до войны, когда он мальчиком был.

На этом разговор закончился и продолжился спустя некоторое время уже с мамой. Она была свидетельницей того, что произошло с Мулей. Шла Гражданская война, и, сменяя друг друга, Глухов занимали то махновцы, то Петлюра, то красные, то какие-то Таращанские полки, то части генерала Краснова, а в восемнадцатом году – немцы. Все они, за исключением немцев, входя в город, грабили его до последней нитки, если она еще оставалась от предыдущего налета. Больше всех доставалось евреям. Их не просто грабили, их убивали с редким единодушием, несмотря на разные знамена и идеологические разногласия. Особенно в первые два-три дня, как занимали город. Красные, правда, делали это после широкого обсуждения на городской площади, где на голосование ставился вопрос: «Бить жидов, чи не бить». Ответ всегда был положительный. Немцы, заняв Украину после Брестского мира, никого не грабили и, более того, защищали евреев от погромов. Потому-то,

когда началась Вторая мировая война, так много евреев отказалось эвакуироваться и погибло. Они помнили Гражданскую войну, помнили, что немцы их не трогали, и не верили слухам. Они ошиблись. Это были уже другие немцы. Так вот, Муля Месежников прятался на чердаке во время погрома. В городе был «бенефис» батьки Махно, и кто-то из его ребят шарил по дому. Ничего путного не найдя, гра-

была только видимость. А на самом деле, через искусно замаскированный лаз, можно было попасть внутрь этой поленицы и по ступенькам спуститься в довольно просторную землянку. Там был запас пищи и воды, стояла керосиновая лампа. Когда менялась власть и начинался новый погром, вся семья, забрав из дома самое ценное, спускалась туда и дня два-три не высывалась. Потом, когда погром шел на убыль, они оттуда выбирались до следующего погрома. И вот однажды, когда шел уже третий день погрома – в тот раз «бал» давали петлюровцы, – мой дед Ниссон вдруг вспомнил, что сегодня из села должен был приехать Богдан с мукой для пекарни и его надо было обязательно встретить. А Богдан был туповат.

– Если я его не встречу, – волновался дед, – этот идиот повезет муку обратно, и как я буду печь бублики без муки? И он решил на минуточку сбегать в пекарню, чтобы встретить Богдана.

– Ты сошел с ума, – сказала бабушка Бася. – Ты слышишь, что творится в городе? Ты хочешь оставить детей сиротами из-за двух мешков паршивой муки?

Но деда это не остановило. Он надел лапсердак (сюртук) и вышел на волю. Но ему не повезло. На первом же перекрестке он наткнулся на пьяного петлюровца.

– А! Жидовская морда! – обрадовался борец за самостоятельность Украины. – Давай часы, порхатый, а то порублю как капусту.

И он, шатаясь из стороны в сторону, схватился за шашку. Считалось, что у каждого уважающего себя еврея в жилетке должны лежать золотые часы с цепочкой.

– Я очень извиняюсь, – сказал дед, – но часов у меня нет. Я очень спешил и забыл их взять с собой.

– Зарублю! – заорал петлюровец и потянул шашку из ножен.

– Пан петлюровец, ну что вы выиграете? Ну зарубите, часов-то все равно у меня нет. Послушайте меня, – примирительно втолковывал дед, – я живу буквально рядом. Буквально две минуты. Если вы здесь капелку постоите, я тут же сбегую и принесу вам очень хорошие часы.

– Убью! – продолжал гнуть свое петлюровец, не отвечая деду по существу.

Надгробная плита на могиле Г.М. Равиковича

битель не поленился залезть на чердак, где и наткнулся на Мулю. Он выхватил шашку и ударил того по голове. Муля, защищаясь, вскинул руку вверх, что и спасло ему жизнь, – шашка, отрубив руку, чуть-чуть дрогнула и скользнула в сторону. И голова у Мули осталась цела. Ему тогда было лет четырнадцать. Хочу рассказать одну трагикомическую историю того же времени, которую я услышал от мамы и ее братьев. Очень модный способ прятаться от погромов у глуховских евреев был следующий – следовало построить во дворе поленицу и в ней жить. Ну, представьте себе, во дворе аккуратным штабелем лежат колотые дрова. Штабель размером два на три метра и в высоту где-нибудь метра полтора. Дрова как дрова. Но это

Дед расценил это как согласие на свое предложение и помчался домой. Запыхавшись от бега, дома он схватил лежавшие на столе часы и кинулся к двери.

– Куда ты? Не пущу! – вцепилась в него бабушка Бася.

– Идиотка! – кричал ей дед. – Я обещал человеку часы. Я дал слово, что я их принесу! Что он обо мне может подумать. Он мне жизнь спас!

Оттолкнув жену, дед выскочил «из дров» и помчался по улице, зажав в руке часы. Прибежав на заветный угол, он там никого не застал. Что случилось с пьяным петлюровцем, совершенно неизвестно. Наверно, он просто ушел, позабыв про деда, как только тот исчез с его глаз. Растерянный дед топтался с часами посреди улицы, глядя то в одну, то в другую сторону, но улица была пуста. Дед собрался уж было продолжить свой прерванный путь к пекарне, как на сцене появился новый персонаж. Это был пьяный петлюровец с чубом и шашкой, но не тот, который был знаком деду, а другой, но очень похожий.

– А! Жидовская морда! – услышал дед знакомые слова. – Давай часы, порхатый, а то зарублю как собаку.

– Я дико извиняюсь, – сказал дед, – но я как раз жду вашего товарища. Я ему уже обещал часы, и, если я их отдам вам, он может про меня плохо подумать.

– Заткни свою вонючую пасть, – заревел петлюровец и ударил своим свиновым кулаком деду в лицо.

Дед пролежал на улице почти до вечера, потом встал и потихоньку добрался до дома. Уже без часов и без зубов. «Так кто из нас идиот?» – спросила бабушка Бася, потихоньку, чтобы не сделать больно, снимая с деда испачканную кровью рубашку. Дедушку я совсем не знал. Единственный раз, когда я его видел, – на его похоронах. ... В сорок первом году, когда началась война, мы на лето приехали в Глухов. Мне было четыре с половиной года, и я кое-что помню из того времени. Как часто бывает, то, что я видел сам, сплелось с более поздними рассказами взрослых, и они стали как бы пережитыми мною самим. И трудно отличить одно от другого. Очень отчетливо, в деталях, помню поток беженцев из западных областей Украины, льющийся на восток. Брички, повозки, подводы, запряженные волами. Тележки, влачимые вручную, чемоданы, узлы, мешки. Коровы и козы, привязанные к задку телеги. Просто пешие с заплечными мешками. Дети, крик, пыль, грязь. Солнце печет. На небе – ни облачка. Огромные поля цветущих подсолнухов и бесконечная людская река. После споров и обсуждений было решено тоже уходить. Я не

знаю, как мать достала подводу с лошадью. Скорее всего, ей как матери троих детей – тринадцати, четырех и одного года – дали их в эвакуункте. К тому же тетя Соня была на восьмом месяце беременности, а ее муж был на фронте. Мы уложили свой скарб на подводу и влились в этот бесконечный людской поток. Места на подводе распределялись так: я, моя младшая сестра Люся и тетя Соня – постоянные пассажиры. Иногда подсаживались на подводу бабушка и моя старшая сестра Инна, а мама все время шла пешком, чтобы облегчить жизнь волам. Волы везли кроме нас еще четыре чемодана и большой холщовый мешок с круглым украинским хлебом. Это было наше главное богатство. Одежды у нас почти не было. Мы уехали из Ленинграда налегке, по-летнему. У мамы было, правда, демисезонное пальто, кроме него ничего теплого у нас больше не было – ни ботинок, ни сапог. А уже приближалась осень. Связываться с отцом, оставшимся в Ленинграде, просить, чтобы он выслал нам что-нибудь к зиме, было поздно. Вот так мы и шли, и ехали, не зная толком – куда, лишь бы подальше от немцев».

Семья Анатолия Равиковича попала в Саратовскую область, на самый юг, в село Малый Узень на границе с Казахстаном, где прожила до конца 1942 года. Затем Анатолий с матерью и сестрами переехали в Ялуторовск, а бабушка Бася и сестра матери Соня с новорожденной дочкой остались в селе близ границы с Казахстаном. Позднее они благополучно вернулись в Глухов, а Анатолий с матерью и сестрами в 1944 г. возвратился из эвакуации в Ленинград.

«По-моему, мне было лет тринадцать, я учился в шестом классе. Началось лето, и мама повезла нас в Глухов на фрукты и овощи. В том же доме, что и до войны, жили вернувшиеся из эвакуации дедушка, бабушка и мамина сестра Соня. Я ее боял-

Могила Нисона Лейбовича Едидина на глуховском еврейском кладбище

ся: у нее росли довольно большие усы. Мы приехали не вовремя – дедушка умирал от рака. Он лежал в углу, отгороженный простыней, и мы с сестрой Люсей туда не заглядывали. Да нам было и неинтересно. У нас и чувств никаких не было – так, легкое любопытство, некоторая, тоже не ахти какая, жалость к матери, которая отца любила и плакала. Дедушка умер ночью. Мы проснулись от страшного крика тети Сони. Она бегала по дому и рвала на себе волосы. Утром к нам стали собираться евреи. В комнате, смежной с той, где лежал дед, мама кормила нас завтраком, а мимо шли пожилые люди, в каких-то белых платках с голубыми полосами, накинутах поверх пиджаков. Они называются талесы – одежда для молитвы. В дедову комнату шли одни мужчины, а женщины оставались в нашей комнате. В черных платьях, в черных платках на голове и с черными молитвенниками в руках. Сев на лавки вдоль стен, они что-то шептали, открыв молитвенники, при этом внимательно рассматривая, что мы едим. Они были очень похожи на стаю

ворон. Я старался поскорее проглотить яичницу и выскочить во двор.

– Люба, почему сегодня яички? – неожиданно громко спросила одна из старух, не переставая при этом раскачиваться.

Я вздрогнул, а потом меня стал душить смех. Я знал, что это нехорошо, но ничего не мог с собой сделать. Кусал губы, чтобы не рассмеяться, старался думать о другом, но чем больше я сдерживался, тем больше меня раздражало. Наконец я не выдержал и два раза громко хрюкнул. Все женщины, как по команде, разом подняли головы – ну точно, как вороны – и уставились на меня.

– Да, – сказала другая старуха, – хороший внук у Ниссона, ему смешно, что дедушка умер. Хорошо ты его воспитала, Люба. Жаль, что Ниссон не может встать и посмотреть на свое отродье.

Тут заговорили все, поднялся гвалт. На шум из мужской комнаты показалась чья-то голова.

– Вы можете минуту посидеть тихо! – тоже закричала голова. – Вы же, слава богу, пришли на похороны, а не свадьбу.

Мама, которая все это время безуспешно щипала меня за бок, чтобы я перестал смеяться, схватила меня за ухо и крутанула так, что я взвизгнул и подскочил на стуле, внеся свою лепту в общий крик. В это время отворилась входная дверь, и в доме появился запыхавшийся маленький, рыжий, косоглазый человек в фуражке. В руках он держал намотанный на палку рулон пожелтевшей плотной бумаги, похожий на ватман, – это был свиток, книга с молитвами, песнопениями по случаю праздников, похорон, свадеб и других важных событий. А сам рыжий красавец был кантор – певец при синагоге. Поскольку в Глухове при советской власти синагога была закрыта, он выполнял свои обязанности на общественных началах, а на хлеб себе зарабатывал, работая продавцом в магазине. Меня его появление спасло.

– Ты даже в такой день умудряешься опоздать! – набросилась на него «голова», и скандал вместе с кантором переместил-

ся в комнату деда.

Наконец все утихло. Все сели и открыли молитвенники. Через открытую дверь было видно, как кантор положил свой свиток на стол и стал разворачивать его. Найдя нужное место, он выпрямился, глубоко вздохнул, потом склонился, почти касаясь носом свитка, как будто принимаясь, оба глаза его при этом сошлись на переносице, и вдруг, резко выпрямившись и задрал вверх голову, издал пронзительный, невероятной высоты и силы звук. Это было начало поминальной молитвы. Этот звук меня ошеломил. Я был мальчиком. Я никогда не терял близких. Я не понимал смысла этой молитвы, но я почувствовал такую глубину скорби, безутешного горя, как будто бы что-то подобное уже было в моей жизни. Что-то очень древнее проснулось в моей голове и откликнулось на звуки этого рвущего воздух голоса.

Эта история, с разной степенью подробности, не раз пересказывалась в нескольких изданиях о глуховских евреях, однако полные имена большинства ее героев до сих пор оставались неизвестны.

Брат отца Анатолия Равиковича, Гриша, так и остался в Глухове, где вместе с женой, Фаней Абрамовной, и прожил всю жизнь. Григорий Моисеевич Равикович скончался в 1955 году и был похоронен на еврейском кладбище города. В 1981 году там же была похоронена его дочь – Ида

Надмогильный памятник Б.С. Едидино и её дочери Сони

Григорьевна Давыдова, а в 2014 году – внучка, Зинаида Иосифовна.

Тётя Соня, София Нисоновна Рустамова, умерла в Глухове в 1969 году. Похоронена на местном еврейском кладбище.

Дед актера по материнской линии, Нисон Лейбович Едидин, в послевоенные годы был членом инициативной группы глуховской еврейской общины, активно хлопотал о предоставлении евреям города помещения под синагогу. Скончался в июле 1950 года. Похоронен на глуховском еврейском кладбище. Бабушка Бася пережила мужа всего на 4 года. Б.С. Едидина похоронена там же, рядом с дочерью Соней.

Газета «Соборний майдан»

Засновник — Національний заповідник «Глухів»

Свідчення про реєстрацію № СМ 390 від 06.02.2004 р.

Адреса редакції: м.Глухів Сумської обл., вул.Шевченка, 30, тел. 2-35-57, e-mail: dikz@ukr.net

Номер підготовлено до друку у науково-дослідному відділі заповідника

Верстка Віктора ІСАЄВА

Газета надрукована у АТ «Шосткинська міська друкарня»

м.Шостка, вул. Свободи, 69

Підписано до друку 06.04.2021 р.

Тираж — 500 примірників. Замовлення № 226.

Редакція газети «Соборний майдан» запрошує до творчого співробітництва науковців, краєзнавців, любителів старовини

Електронна версія на сайті <http://nz-hlukhiv.com.ua/>

Редакційна колегія

Світлана ЖУКОВА

Юрій КОВАЛЕНКО

Людмила АРТЕМОВА

Олександр МІРОШНИЧЕНКО

Віктор ІСАЄВ

РОЗПОВСЮДЖУЄТЬСЯ БЕЗКОШТОВНО